Ольга Шиллинг
Евгения Близкая

ШЕЙХ. ЕГО ДВОРЕЦ, МОИ ПРАВИЛА

Евгения Близкая

Шейх. Его дворец, мои правила

«Автор»
«Автор»
2026

Близкая Е.

Шейх. Его дворец, мои правила / Е. Близкая — «Автор», «Автор», 2026

Она — дерзкий архитектор, он — шейх, купивший её фирму и похитивший её ради дворца мечты. Алиса не подчиняется: её правила — вызов его власти. Но чем сильнее противостояние, тем ярче искра. Сможет ли она построить шедевр и не стать пленницей золотой клетки? История о страсти, интригах и женщине, которая диктует условия самому могущественному мужчине.

© Близкая Е., 2026
© Автор, 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 6
Глава 2 9
Глава 3 12
Конец ознакомительного фрагмента. 15

Ольга Шиллинг, Евгения Близкая
Шейх. Его дворец, мои правила

Шейх. Его дворец, мои правила
Ольга Шиллинг
Евгения Близкая

Глава 1

Я сложила последний тубус с чертежами в коробку и взялась за картонные ручки. Запах пыльного картона и остывшего кофе казался мне самым прекрасным ароматом на свете — это был запах свободы. Напряжение последних месяцев медленно отпускало плечи. Долги архитектурного бюро висели на нас мертвым грузом, а теперь я наконец выходила из этого долга вместе со своей коробкой.

Я поставила коробку у стола босса и положила перед ним заявление об увольнении. Белая бумага контрастировала с темным деревом столешницы. — Я ухожу, Томас, — произнесла я, прижав ладонью край листа и глядя в лицо боссу — герру Томасу Кляйну. — Как мы и договаривались. Моя часть работы над проектом завершена.

Томас Кляйн смотрел на меня поверх заявления. Он медленно откинулся в кресле, сложив руки домиком, и на его губах заиграла странная, почти сочувственная усмешка. Он покачал головой и кончиком ручки пододвинул заявление обратно ко мне. — Боюсь, это невозможно, дорогая. — Что значит «невозможно»? — Я нахмурилась, упираясь руками в край его стола. Мой голос дрогнул от внезапного предчувствия беды. — Мой контракт позволяет мне уйти после сдачи эскизов. Я требую объяснений.

Томас вздохнул, избегая смотреть мне в глаза. — Фирма продана. Со всеми активами, интеллектуальной собственностью и... обязательствами. Мы теперь принадлежим арабскому холдингу. И новый владелец требует, чтобы ведущий архитектор завершил проект на месте. Мои пальцы судорожно впились в холодную кромку массивного дубового стола Томаса Кляйна. Воздух мгновенно застрял в легких, я задела коробку локтем, и алюминиевые тубусы глухо звякнули. Новый владелец. Арабский инвестиционный холдинг «Al-Mansoor Global»... Это звучало как приговор всей моей независимой жизни.

— Вы не можете продать меня вместе со стульями! — вспыхнула я, резко разворачиваясь. В груди закипала ярость. Я схватила свою коробку с тубусами, прижимая к груди авторские чертежи — единственное, что по-настоящему принадлежало мне. — Я ухожу прямо сейчас.

Я решительно зашагала к выходу, но путь мне внезапно преградили. У дверей кабинета, словно из ниоткуда, выросли двое мужчин в безупречных темных костюмах. Один уперся ладонью в косяк, второй закрыл собой ручку двери. Оба смотрели на коробку в моих руках. — Дайте пройти, — ледяным тоном скомандовала я и с силой толкнула одного из них в плечо. Охранник выдержал толчок, расставив ноги. Моя рука словно наткнулась на бетонную стену. Он молча смотрел поверх моей головы, продолжая блокировать выход.

— Это незаконное удержание! — мой голос сорвался на крик, паника начала ледяными пальцами сжимать горло. — Я требую вызвать моего адвоката! Я засужу вас всех! В этот момент дверь бесшумно приоткрылась, и в кабинет вошел высокий мужчина восточной внешности. Его движения были плавными, взгляд — цепким и оценивающим. В руках он держал гладкую кожаную папку. — Боюсь, адвокат вам не поможет, мисс, — мягко произнес он с едва уловимым акцентом. — Меня зовут Али аль-Кассим. Я личный помощник и управляющий делами шейха Тарика бин Халида аль-Мансура.

Я резко выхватила папку из его рук. Внутри лежал плотный лист бумаги. Мой личный контракт. Я быстро пробежала глазами по строкам и замерла, чувствуя, как кровь отливает от лица. Под пунктом о передаче эксклюзивных прав и безоговорочном согласии на неотлучное сопровождение проекта стояла четкая подпись: «Ведущий архитектор Алиса Соколова». Точный росчерк, до последней черточки. Но я никогда этого не подписывала! Подделка, которая в одно мгновение делала меня бесправной заложницей чужих амбиций.

— Это рабство! — закричала я, в отчаянии бросая папку на пол. Листы разлетелись по ковру. Я рванулась в сторону, направляясь к панорамному окну, чтобы позвать на помощь,

привлечь внимание, сделать хоть что-то. — В документе указана юрисдикция эмирата. Наши юристы будут требовать исполнения договора, — произнес Али, подбирая листы. Он говорил о договоре, пока его охрана закрывала мне выход.

Я бросилась к пожарному выходу, но не успела сделать и трех шагов. Чьи-то стальные руки перехватили меня за талию. Меня оторвали от пола легко, как куклу. Я билась, извивалась, пыталась ударить охранника локтем, но он лишь крепче перехватил мои руки, принудительно и быстро таща меня в сторону лифта. Мои крики эхом отражались от стеклянных стен опустевшего офиса.

Меня грубо впихнули на заднее сиденье огромного черного внедорожника. Дверь захлопнулась с глухим стуком, отрезая меня от привычного мира. Машина сорвалась с места. В аэропорту меня провели через отдельный терминал. Али забрал паспорт для посадочных формальностей; когда я потребовала вернуть его, охранник втолкнул меня в самолет. После долгого перелета на побережье залива меня пересадили в вертолет. Шум винтов заглушал мои мысли. Дрожащими пальцами я достала из кармана телефон, судорожно пытаясь набрать номер подруги, отправить SOS, хоть какой-то знак.

Сидящий рядом охранник молниеносно перехватил мою руку. — Отпусти! — прошипела я, пытаясь вырвать аппарат. Он разжал мои пальцы, забрал телефон и погасил экран. Аппарат исчез во внутреннем кармане его пиджака. Меня полностью отрезали от внешнего мира.

В воздухе, глядя на проплывающие внизу облака, я предприняла последнюю, отчаянную попытку. Я потянулась к запястью и начала расстегивать ремешок своих швейцарских часов — подарка отца, единственной по-настоящему дорогой вещи, которая у меня была. Я придвинулась к перегородке, отделяющей кабину пилота, и прижала блестящий циферблат к стеклу. Пилот продолжал смотреть вперед. Я постучала ногтями по бронестеклу, пытаясь поймать его взгляд сквозь стекло. Но он лишь нажал тумблер, и непроницаемая черная шторка с тихим шипением закрыла перегородку, оставляя меня в полной изоляции. Я застегнула часы обратно, бессильно стиснув запястье.

Вдали, сквозь дымку над персидскими водами, начал проступать силуэт частного острова. Я сжала кулаки так сильно, что ногти впились в ладони. Хотелось устроить истерику, кричать, требовать немедленной депортации, как только шасси коснутся земли. Но когда вертолет пошел на снижение, я увидела охраняемую посадочную площадку. Десятки вооруженных людей в форме. Я сделала глубокий вдох и начала считать посты охраны, дороги и расстояние от площадки до берега. Если я хочу выбраться из этой золотой клетки, мне придется быть умнее, хитрее и хладнокровнее их всех. Я выпрямила спину, принимая это временное поражение.

У посадочной площадки меня уже ждали.

Жаркий воздух острова ударил в лицо сразу, как только открылась дверь вертолета. Меня провели в просторный, сияющий белым мрамором холл роскошной резиденции. Золото, стрельчатые арки, журчание фонтанов — все кричало о немыслимом богатстве. В центре холла спиной ко мне стоял он. Шейх Тарик бин Халид аль-Мансур — мужчина, купивший мою жизнь и мою фирму. Он был одет в традиционную белоснежную дишдашу, идеально подчеркивающую широкие плечи. В руках он держал мои чертежи.

— Я требую немедленно вернуть мой паспорт, — мой голос разнесся под высокими сводами, нарушая идеальную тишину. Он продолжал изучать план фундамента, удерживая пальцем развернутый угол листа. Это пренебрежение ударило по мне больнее пощечины. Я подошла вплотную, сокращая дистанцию, нарушая все мыслимые правила субординации. — Вы меня слышите?! Вы совершили похищение! — закричала я ему в лицо. Он медленно поднял взгляд. Его глаза оказались темными, почти черными, и в них была такая ледяная, подавляющая пустота, что слова застряли у меня в горле. Я запнулась, невольно делая полшага назад от этой пугающей энергетики.

Но злость оказалась сильнее страха. Я резко протянула руку, пытаясь выхватить свой чертеж из его пальцев. Он сделал шаг вперед, нависая надо мной. Я физически ощутила тяжелый, давящий объем его широких плеч, воздух между нашими телами мгновенно раскалился, стал сухим и плотным. Я слышала его глубокий, размеренный грудной вдох и вдыхала горьковатый аромат разогретого солнцем песка и терпкого, дорогого уда. Я оказалась зажата между ним и массивным столом. Я уперлась поясницей в его кромку, до боли впиваясь ногтями в собственные ладони, заставляя себя выдерживать этот ледяной, гипнотический взгляд темных глаз. Я моргнула и снова подняла на него глаза. Уголок его четко очерченных губ дрогнул. Он перевел взгляд на мои сжатые кулаки.

Не выдержав этого унизительного осмотра, этой паузы, в которой я чувствовала себя вещью на рынке, я бросилась на него с кулаками. Я хотела ударить его, стереть эту снисходительность с его лица. Он легко, почти лениво перехватил оба моих запястья одной рукой. Его пальцы сомкнулись на моей коже как стальной капкан — горячие, грубые. Я извивалась, задыхаясь от ярости, попыталась ударить его ногой, но он резко притянул меня к себе. Моя грудь столкнулась с его твердой грудью. Запах уда, терпкого мускуса и опасности окутал меня.
— Либо ты строишь этот дворец, Алиса, — его голос оказался низким, вибрирующим, проникающим под самую кожу, — либо садишься в местную тюрьму за растрату миллионов моего холдинга. Выбор за тобой.

— Я не буду работать под дулом пистолета! — выплюнула я ему в лицо, задыхаясь от близости его губ. Шейх разжал пальцы. Я едва не упала от неожиданности. Он отвернулся, теряя ко мне всякий интерес, и сделал короткий жест охране. Я развернулась и попыталась побежать к огромным резным дверям выхода, но меня тут же перехватили. Мужские руки грубо схватили меня за плечи и потащили по коридорам. Меня швырнули в роскошную спальню гостевого дома. Тяжелая дверь за моей спиной закрылась с глухим щелчком замка. Я осталась одна.

Я тяжело дышала, осматривая свою новую тюрьму. Шелк, бархат, массивное дерево. Мой взгляд упал на тяжелый стул из красного дерева. Оказавшись взаперти, я больше не могла сдерживать ярость. Я схватила стул за спинку, с трудом оторвала его от пола и с диким криком бросила в огромное панорамное окно, за которым шумело море. Пуленепробиваемое стекло даже не треснуло. Оно с глухим, издевательским звоном отбросило тяжелый стул обратно на персидский ковер. Я рухнула на колени, глядя на нетронутое стекло. Физическая непроницаемость моей клетки стала осязаемой. Я здесь заперта. По-настоящему.

Слезы бессилия обожгли глаза, но я смахнула их. В ярости я вскочила и подошла к столу, на котором кто-то заботливо разложил эскизы моего будущего дворца. Я начала рвать их. Бумага была плотной, неподатливой, я надрывала листы с остервенением, ломая ногти, смахивая обрывки на пол. И вдруг я замерла. Под разорванным фасадом я увидела то, чего не было в моих первоначальных чертежах. Скрытый план многоуровневых подземелий. Бункеры, секретные переходы, системы автономного жизнеобеспечения. Я провела пальцем от бункера к лестничной шахте, затем к контуру фундамента. Все эти уровни предстояло связать с моим дворцом, рассчитать нагрузки, разместить вентиляцию и запасные выходы. Я прижала ладонью лист, который секунду назад собиралась разорвать. Они похитили меня ради этой крепости — и ждали, что я заставлю ее стоять.

Глава 2

Я разложила уцелевшие листы на полу и начала проверять расчет фундамента. До глубокой ночи сверяла цифры, потом уснула над расчетами.

На следующее утро я проснулась с ясной головой и ледяной решимостью. Если они хотят, чтобы я строила, я буду играть по своим правилам. Я привела себя в порядок, взяла уцелевшие эскизы и вышла в гостиную. У двери стоял Али; я потребовала немедленной встречи с шейхом. Мне нужно было обсудить критические ошибки в их подземных коммуникациях. Али окинул меня холодным взглядом и покачал головой: — Господин занят. Он не принимает. — Он сам притащил меня сюда! — возмутилась я. — Возвращайтесь в комнату, мисс. Я захлопнула дверь прямо перед его невозмутимым носом. Занят? Отлично. Я огляделась. Дверь охраняется, но что насчет окна в ванной? Оно выходило на задний двор, заросший густым кустарником. Я сняла туфли, подтянулась на раковине и, ободрав колени, протиснулась в узкую фрамугу. Глоток свежего утреннего воздуха наполнил легкие. Я на свободе. Относительной, но свободе.

Я кралась кустами, прячась от патрулей, ориентируясь на шум тяжелой техники. У ограждения я проскользнула вслед за бригадой рабочих и выскочила на строительную площадку. Пыль, грохот бетономешалок, крики рабочих на арабском. Я увидела прораба, который размахивал руками, отдавая приказ заливать фундамент восточного крыла. Я подбежала к нему, размахивая скомканными эскизами. — Стойте! Остановите заливку! У вас ошибка в расчетах несущей способности! — закричала я сквозь шум. Прораб обернулся. Он смерил меня взглядом с головы до ног, посмотрел на мои босые ноги, на растрепанные волосы. А затем просто рассмеялся. Рабочие вокруг него тоже заулыбались, переговариваясь. Прораб отвернулся к рабочим и снова указал на котлован. Мои чертежи он даже не взял.

Моя кровь вскипела. Я обернулась и увидела, как на площадку, поднимая клубы пыли, заезжает кортеж из трех черных джипов. Шейх. В этот же момент огромный гусеничный экскаватор с ревом дернулся с места, направляясь к краю котлована, чтобы начать работу над тем самым фундаментом. Охрана уже заметила меня и побежала в мою сторону, пытаясь оттеснить от техники. — Пустите! — я вырвалась из их рук, рванула вперед и, не думая о последствиях, физически преградила путь огромному стальному ковшу экскаватора. Я раскинула руки в стороны, глядя прямо на лобовое стекло кабины водителя. Машинист дернул рычаги на себя. Многотонная машина лязгнула траками и замерла в метре от меня, подняв облако горячего песка прямо перед остановившимся кортежем шейха.

Дверь центрального джипа резко распахнулась. Шейх вышел из машины. В его движениях сквозила такая первобытная ярость, что воздух вокруг, казалось, затрещал. Он отдал короткий приказ на арабском, и охранники бросились ко мне, грубо хватая за плечи, пытаясь убрать с дороги. — Пустите меня! Вы совершаете катастрофическую ошибку! — я вырвалась, одним прыжком запрыгнула на раскаленный капот его собственного внедорожника и с силой развернула прямо перед его лицом свои чертежи. — Смотри! — я ткнула пальцем в цифры, не обращая внимания на то, что перешла на "ты" с правителем. — Твои идиоты не учли карстовые пустоты! Нагрузка на этот квадрат в три раза превышает норму. Вы зальете фундамент, а через месяц крыло рухнет и похоронит под собой десятки людей!

Шейх замер. Его темные глаза сузились, переводя взгляд с моего перепачканного лица на красные линии расчетов. Он проверял каждую цифру; пальцем проследил красную линию до края плана. — Позвать главного инженера, — холодно бросил он, удерживая мой взгляд. Через минуту тучный, обливающийся потом главный инженер стройки Хашим аль-Джабри предстал перед нами. — Опровергни слова мисс Соколовой, инженер Хашим, — ледяным тоном приказал шейх Тарик. Я спрыгнула с капота, скрестила руки на груди и уставилась на инженера, ожидая его расчета. Я знала свои цифры. Я жила ими. Инженер взял чертежи. Он посмотрел

на мои правки, достал из кармана телефон с калькулятором. Секунды тянулись бесконечно. Наконец, он побледнел. Капли пота покатились по его лбу. — Мой господин... — заикаясь, начал он. — Девушка... она права. Мы допустили просчет в оценке грунта.

Тишина, повисшая над стройкой, была оглушительной. Инженер начал судорожно оправдываться, бормоча что-то про старые карты и спешку. — Достаточно, — голос шейха разрезал воздух, как клинок. — Вы уволены. Покиньте остров немедленно. Инженер сжался и попятился. А затем шейх медленно повернулся ко мне. Он посмотрел на меня так же пристально, как только что смотрел на расчеты. — С этой минуты, — громко, так, чтобы слышала вся стройка, произнес он, глядя мне прямо в глаза, — абсолютная власть над технической частью проекта принадлежит ей. Ее слово — мое слово.

От адреналина у меня кружилась голова. Я победила. Я только что поставила на колени их систему. Теперь я могла требовать условий для работы. — В таком случае, мне нужен отдельный рабочий кабинет. Прямо здесь, на объекте, — твердо заявила я. Начальник охраны, стоящий рядом, нахмурился: — Свободных помещений нет, мисс. Все занято под оперативный штаб и охрану. Я медленно повернула голову и указала пальцем на лучший павильон на возвышенности, с панорамными окнами и видом на лазурное море. — Я хочу этот. Шейх посмотрел на павильон, затем на возмущенного начальника охраны. Он едва заметно кивнул и безжалостно произнес: — Освободить павильон к вечеру. Это ее новая личная студия. Начальник охраны сглотнул и опустил голову. А я почувствовала, как по венам разливается сладкий, обжигающий вкус власти. Мое новое рабочее пространство. Мой новый статус.

К вечеру в павильоне поставили мой стол и перенесли уцелевшие чертежи. Охрана осталась снаружи. Ночью я решила проверить, насколько далеко распространяется моя новая власть. Луна серебрила волны, разбивающиеся о берег. Я сидела в своей новой студии, понимая, что мой статус теперь позволяет мне передвигаться по острову без постоянного конвоя. Это был мой шанс. Я решила использовать это. Мне нужна была лодка. Я выскользнула из павильона, крадучись в глубоких тенях пальм, избегая резких лучей прожекторов и патрулей вооруженной охраны. Песок мягко пружинил под ногами. Мое дыхание сбивалось от страха быть пойманной. Я успешно добралась до причала. В темноте покачивались белые бока яхт и катеров. Мое сердце радостно екнуло. Но когда я подошла ближе, то поняла, что доступ к понтонам перекрыт мощными стальными решетками с электронными замками. Причал был наглухо заперт. Все лодки стояли за решеткой. Я обхватила прутья и потянула — замок держал.

Я стояла у воды, обхватив себя руками. Ночной ветер с залива пробирал до костей, заставляя меня дрожать. Отчаяние тяжелым камнем легло на плечи. Я замерзала и уже собиралась развернуться, чтобы бесславно уйти обратно в свою клетку, как вдруг мой взгляд зацепился за странное свечение. Я повернулась к дюнам, возвышающимся на дикой стороне острова. Вдалеке, среди холодных песков, слабо мерцало пламя костра.

Любопытство и желание согреться пересилили страх. Я осторожно пошла в сторону дюн, проваливаясь в песок. Я подкрадывалась всё ближе, стараясь рассмотреть фигуру, сидящую спиной ко мне у огня. Человек был одет в темную бедуинскую одежду. В темноте было сложно ориентироваться на сыпучем рельефе. Я сделала неосторожный шаг. Под ногой внезапно осыпался острый гребень бархана, предательски зашуршала ракушечная крошка, и сухой выветренный плавник с резким щелчком раскололся под моим весом. Фигура у костра мгновенно обернулась. Но страшнее было другое — с кожаной перчатки на его руке с пронзительным криком сорвалась огромная тень. Огромный охотничий сокол взмыл в ночное небо и, сделав круг, спикировал прямо на меня.

— А-а-а! — вскрикнула я, падая на холодный песок и инстинктивно закрывая лицо и шею руками. Я сжалась в комок, ожидая, как острые когти вцепятся в мою плоть в наказание за шпионаж. Хищная птица кричала прямо над моей головой, хлопая тяжелыми крыльями. Но внезапно раздался резкий, гортанный звук. Шейх Тарик — а у огня сидел именно он — отдал

резкую команду на незнакомом гортанном наречии. Сокол нехотя отвернул, тяжело взмахнул крыльями и вернулся на его руку. Я приоткрыла глаза, тяжело дыша. Шейх стоял в нескольких метрах от меня. В этой бедуинской одежде, с соколом на руке, в отсветах пламени он казался древним божеством пустыни. Опасным и прекрасным. — Можешь подойти к огню, — неожиданно мирно, без тени агрессии позвал он. Я все еще закрывала ладонью шею, пытаясь понять, всерьез ли он приглашает меня к себе.

Я поднялась, опираясь ладонью на песок, отряхнула колени и подошла к костру. Я села на брошенный на песок ковер, все еще мелко дрожа то ли от холода, то ли от пережитого ужаса. Шейх опустился напротив, поглаживая перья сокола. Тарик закрепил короткий кожаный ремешок на перчатке. — Он прекрасен, — тихо сказала я, глядя на хищника. — Но ему место в небе. Вы держите его на привязи. Он ваш пленник. Как и я. Шейх поднял на меня свой тяжелый взгляд. В отсветах пламени его лицо казалось высеченным из камня. — Вы жестоки, — с вызовом продолжила я, глядя на ремешок у лап птицы. — Любая клетка, даже самая золотая, убивает. Признайте это.

Он долго смотрел на пламя, словно читая в нем одному ему понятные знаки. — Свобода — это иллюзия, — жестко, с необъяснимой горечью ответил он. — Даже для меня. Правитель всегда связан обязательствами, долгом, кровью. Этот сокол привязан ко мне, но в небе он царь. Ты привязана к этому острову, но на стройке ты королева. Абсолютной свободы не существует. Горечь в его голосе заставила меня поднять глаза от огня. Я увидела за фасадом безжалостного владельца холдинга живого, усталого мужчину, несущего на своих плечах империю.

Пользуясь этим моментом хрупкой откровенности, я посмотрела ему прямо в глаза, обнажая свою уязвимость. — Отпустите меня домой, — прямо попросила я. Мой голос дрогнул. — Пожалуйста. Он повернулся ко мне и задержал взгляд на моем лице. Я удерживала его взгляд, затаив дыхание. — Нет, — его отказ был тихим, но непреклонным. Последнее слово он произнес глухо, глядя на мои дрожащие руки. Он медленно поднялся, снял с себя тяжелый, пахнущий дымом и терпким парфюмом бедуинский плащ, подошел ко мне и накинул его на мои замерзшие плечи.

Ткань была тяжелой, сохранившей жар его тела. Я инстинктивно попыталась сбросить плащ из гордости, чтобы не принимать его подачек. Ткань соскользнула с одного плеча. Но ледяной порыв ночного ветра тут же остудил мою кожу. Я замерла. Я вдохнула глубокий, дурманящий запах его парфюма, смешанный с дымом костра, и сдалась. Я плотнее закуталась в его плащ, чувствуя странную, пугающую защиту, исходящую от вещи человека, который держал меня в плену.

Мы сидели у костра до самого рассвета. И в тех взглядах, которые шейх бросал на меня сквозь пламя, читалось обещание: наше противостояние больше никогда не будет прежним. Я все еще хотела домой. И все чаще ловила себя на том, что жду его следующего взгляда сквозь огонь.

Глава 3

Вернувшись от костра на рассвете, я перекинула плащ через спинку кресла и раскрыла папку поставщиков. Тяжелый шерстяной бедуинский плащ шейха Тарика, пахнущий дымом саксаула и терпким мускусом, остался висеть на спинке кресла в моей новой студии — как материальное, волнующее напоминание о том, что прежняя дистанция между нами разрушена навсегда. Я провела ладонью по грубой шерсти и повернулась к столу. Стройка ждала моего решения. Я вытащила из папки каталоги местных поставщиков и разложила веером. Это был мусор. Дешевый песчаник, хрупкий мрамор, имитация дерева. На рекламных снимках я видела сколы по краям плит, а спецификации обещали прочность, пригодную для отделки садовой беседки. У меня была власть над проектом, и я намеревалась использовать её на полную катушку.

Я решительно вышла из павильона и направилась к резиденции. У дверей кабинета шейха Тарика снова стояли охранники. — Мне нужно к нему, — жестко сказала я. — Господин работает. Приказано никого не пускать. Моя кровь вскипела. Я сделала шаг в сторону, ловко поднырнула под руку одного из них и, прежде чем они успели меня перехватить, толкнула тяжелые дубовые двери.

Шейх Тарик аль-Мансур поднял голову от бумаг. В его глазах мелькнуло удивление, мгновенно сменившееся холодным раздражением. Охрана влетела следом, извиняясь, но он поднял руку, останавливая их. — Ты врываешься ко мне, словно к себе домой, — медленно произнес он. — А вы подсовываете мне мусор вместо строительных материалов! — я подошла к его столу и с силой швырнула каталоги прямо на его идеально разложенные документы. Страницы разлетелись веером. — Для облицовки галерей и ротонды мне нужен каррарский мрамор. Этот ракушечник пойдет на садовые дорожки. Он откинулся в кресле. Его взгляд скользнул по моему раскрасневшемуся лицу. — Этот "ракушечник" поставляют уважаемые семьи эмирата. — Мне плевать на их семьи, — отрезала я. — Я не подпишу ни один акт, пока не получу лучший камень в мире. Он смотрел на меня долгие несколько секунд. В этой тишине звенело напряжение. А затем он достал ручку и размашисто подписал мой запрос на итальянский мрамор, открывая неограниченный бюджет. Я заставила его раскошелиться.

Спустя три дня над островом раздался гул тяжелого транспортного вертолета. Он доставил первые пробные слэбы итальянского мрамора. Я стояла на площадке, наблюдая за посадкой. Но как только винты замерли, местный бригадир смерил меня надменным прищуром и презрительно сплюнул в песок, скрестив волосатые руки на груди. — No order from Sheikh Tariq, no unload, lady, — с ленивым восточным пренебрежением процедил он на ломаном английском. — Иди в дом, здесь мужская работа. Без личной печати хозяина камень не тронем. Я развернулась, подошла к тяжелому дизельному погрузчику «Komatsu», стоящему на краю площадки, распахнула металлическую дверцу и легко запрыгнула в высокую кабину. В студенческие годы я подрабатывала на складе стройматериалов; руки помнили рычаги. Поворот ключа — и рев шестилитрового мотора заглушил морской прибой, заставив бригадира поперхнуться очередным словом. Его глаза вылезли из орбит, когда многотонная машина под моим управлением двинулась с места и подошла вплотную к вертолету. Я опустила вилы, ювелирно точно подхватила поддон с первым слэбом и поставила его на деревянные подкладки у края площадки. Я выключила мотор и спрыгнула на землю. — Еще нужны печати? — ледяным тоном поинтересовалась я. Рабочие молча бросились разгружать остальное.

Поставщик — представитель итальянской фирмы, крутился рядом, расхваливая камень. Я подошла к первой плите. Провела пальцами по холодной, гладкой поверхности. И вдруг мои подушечки уловили микроскопический, едва заметный изъян. Я наклонилась ближе. Под идеальной полировкой скрывалась волосяная трещина, заполненная эпоксидной смолой. В

спецификации поставщик обещал цельные плиты без такой обработки. Я выпрямилась. — Убирайтесь, — сказала я подрядчику, проведя ногтем по трещине. — Что, простите? — Вы пытаетесь подсунуть мне брак. На острове шейха Тарика. Я разрываю с вами контракт. Забирайте свой камень и проваливайте, пока я не сообщила службе безопасности о попытке мошенничества. Подрядчик побледнел как полотно. Он шагнул к плите, увидел смолу в трещине и убрал рекламный буклет в портфель. Рабочие ждали моего распоряжения о возврате груза.

После возврата плит я заказала новую партию и вернулась к расчетам ротонды. К ночи павильон опустел. Моя личная студия была залита светом ламп, пока я сидела над чертежами. Оси сложной ротонды упорно не сходились. Я терла глаза, чувствуя, как от усталости раскалывается голова. В какой-то момент я с рычанием скомкала испорченный лист кальки и швырнула его в стену. Дверь павильона открылась без стука. Шейх переступил порог. Он сменил дишдашу на темные брюки и расстегнутую на пару верхних пуговиц рубашку. Я застыла с новым листом кальки в руке, и он успел увидеть, как я злюсь.

Он молча подошел к моему столу, посмотрел на скомканный лист, затем на расстеленный ватман. — У тебя ошибка в расчете эргономики винтовой лестницы, — сказал он, наклоняясь над столом и прослеживая пальцем линию ступеней. Его рука потянулась к моему карандашу. — Я сама разберусь! — я вспыхнула, возмущенная его вторжением, и сжала карандаш в пальцах. Его пальцы сомкнулись на карандаше поверх моих. Я дернула руку на себя. Он шагнул ближе, нависая надо мной, отказываясь отпускать. Мы оказались втянуты в абсурдную, короткую физическую борьбу за деревянный карандаш над архитектурным чертежом. Я подняла глаза, чтобы высказать ему все, что думаю о его манерах, но слова умерли на губах. Он был слишком близко. Я чувствовала жар его тела, исходящий сквозь тонкую ткань рубашки. Я видела, как тяжело бьется жилка на его шее. В этой внезапной близости я полностью дезориентировалась. Все мои чертежи, обиды и ярость исчезли.

Я попыталась отстраниться, вернуть дыхание, восстановить безопасную дистанцию. Но Тарик поймал мой взгляд, приковывая к месту. В воздухе стояло сухое, потрескивающее электричество, словно перед первой грозой в пустыне. Свободной ладонью я уперлась в его грудь и почувствовала грубую фактуру льняной ткани рубашки. От него пахло вечерним чаем с кардамоном; слова про ошибку все еще звучали у меня в ушах. Пространство между нами сжалось до предела. Он медленно подался вперед. Я замерла, слыша шум собственного пульса в висках. Забыв о расчетах ротонды, я ловила губами его дыхание. Но когда наши губы разделяли считанные миллиметры, он резко отступил назад, словно усилием железной воли оборвал невидимую дугу напряжения. Его пальцы разжались, оставляя карандаш в моей ладони. — Исправь оси, Алиса, — глухо, с вибрирующей хрипотой бросил он. Он развернулся и стремительно покинул павильон, растворившись в ночной темноте, а я осталась стоять над чертежами, сжимая в руке карандаш, с бешено колотящимся сердцем.

Я вернулась к ватману, но на полях вместо цифр снова рисовала одну и ту же линию. Наутро я спрятала испорченный лист под папку. Мы должны были ехать на дальний карьер на другом конце острова, чтобы осмотреть залежи местного базальта. Я сидела на пассажирском сиденье его джипа, глядя в окно и раз за разом переводя взгляд с его рук на руле на полоску моря вдали. Внезапно машина дернулась. Приборная панель погасла, двигатель заглох. Мы остановились посреди дюн, скрывших от нас берег и резиденцию. Шейх выругался сквозь зубы, попытался завести мотор, но стартер лишь безжизненно щелкал. — Нам придется дойти пешком до возвышенности, чтобы поймать сигнал рации, — сказал он, выходя из машины.

Я последовала за ним. Песок обжигал даже сквозь подошвы кроссовок. Не успели мы пройти и километра, как небо над горизонтом потемнело. Воздух стал плотным, удушливым. Песчаная буря надвигалась с ужасающей скоростью, отрезая нас от мира плотной желтой стеной. — Бежим! — крикнул он, хватая меня за руку. Видимость упала до нуля. Мелкий песок сек лицо, забивался в глаза и горло. Я начала задыхаться, спотыкаясь на барханах. Шейх под-

хватил меня на руки, прижал к своей груди и мощными рывками побежал сквозь бурю. Еще от машины он заметил навес в ложбине. Теперь он затащил меня под ветхий брезент старого бедуинского шатра. Мы рухнули на землю. Ветер с жутким воем рвал ткань над нашими головами. Из-под края тента вылетели песок и мелкие камни, которыми его прижимали к земле. Треснула деревянная поперечина.

В этот момент шейх резко перекатился, накрывая меня собой. Он защищал меня своим телом, принимая на свою спину удары тяжелой ткани и сыплющейся с нее крошки. Я оказалась в коконе его объятий, слушая бешеный стук его сердца. Еще вчера я вырывала у него свое запястье. Теперь я вцепилась онемевшими пальцами в его рубашку и прижалась щекой к груди, позволяя ему закрыть меня от ветра. Внезапно сильный порыв ветра попытался окончательно сорвать тент, который нас укрывал. Шейх зарычал от натуги, удерживая тяжелый край. Я перевернулась на колени, перехватила плотный брезент рядом с его руками и навалилась всем своим весом, помогая ему удержать наше единственное укрытие. В этом ревущем хаосе мы действовали как равная команда.

Буря бушевала час и стихла так же внезапно, как и началась. Мы выбрались из-под завалов, покрытые слоем желтой пыли. Вернувшись к машине, шейх снова поднял рацию, пытаясь вызвать охрану. — Открой капот, — сказала я. Он удивленно посмотрел на меня, но подчинился. Я стряхнула песок, наклонилась над двигателем и быстро нашла проблему. От тряски на барханах отошла клемма аккумулятора. Я закрепила ее, плотно затянув гайку найденным в бардачке ключом, и захлопнула капот. — Заводи. Мотор недовольно чихнул и загудел. Шейх посмотрел на меня, и в его взгляде читалось нечто большее, чем просто удивление. Он забрал у меня ключ, протер его своим платком и протянул мне бутылку воды. Я выпила и рассмеялась — впервые за этот день.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.